

ПАМЯТИ ОЛЕГА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОЛКОВА

10 февраля на 97-м году жизни скончался старейший русский писатель Олег Васильевич Волков. О его необычайной жизни рассказывают друзья и коллеги по литературному труду и лагерно-ссылочной судьбе.

Он был старейшиной мемуарной лагерной прозы. Со всем недавно такой была Анастасия Ивановна Цветаева. Сейчас мы прощаемся и с ним...

Родословная Олега Васильевича по матери включает в себя семь адмиралов, в том числе знаменитого адмирала Лазарева. Годы учения его прошли в Петербурге, в прославленном Тенишевском училище. Он сидел за одной партой с Набоковым.

Революция сломала судьбы многих. Погибли его отец, брат, а самого его (поскольку он был "лишенцем"), естественно, не приняли в университет.

Зарабатывал он на жизнь языками: настоящее дворянское воспитание предполагало знание английского, французского, немецкого. Сначала это были переводы, потом работа с иностранцами. Немедленно власти предложили ему "сотрудничество", которое он, конечно, отверг.

И начались лагерные годы — с 1928 года. Это была как бы цепная реакция, когда конец одного срока предполагал начало другого: всего 27 лет, пять сроков и пять реабилитаций. Все они в рамках были потом повешены на стене в доме Олега Васильевича.

После "позднего реабилитанса" началась трудная литературная жизнь. О.В. Волков писал очерки, делал переводы, не гнушался никакой работой.

Но постепенно выросло, выкристаллизовывалось главное направление его деятельности — спасение природы. Сейчас говорят, что у Байкала было много защитников, но все-таки первым защитником Байкала был Олег Васильевич Волков. Это началось 35 лет тому назад.

Постепенно диапазон его деятельности расширялся. Перу О.В. Волкова принадлежат очерки о старой Москве, об архитектуре Петербурга. Словом, о старой российской культуре.

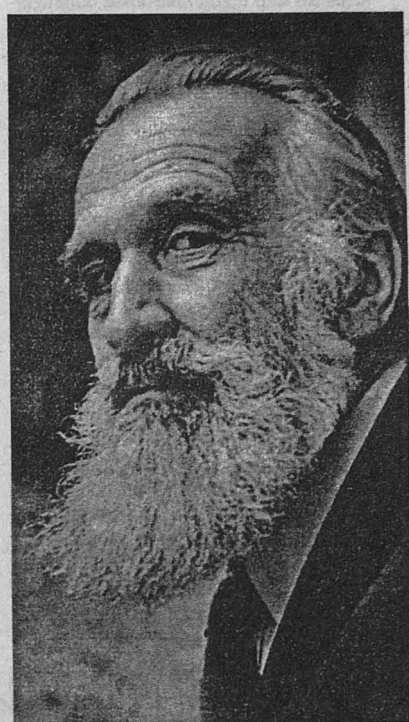
Но, несомненно, главным трудом его жизни были мемуары о лагерях. Назывались они "Погружение во тьму". Они были переправлены на Запад и сначала появились не в России, а во Франции. Книга имела успех. Куски из нее передавались по "Би-Би-Си".

Перестройка легализовала и эту деятельность, и главный труд жизни писателя был напечатан в России. Стой минуты, когда вышло "Погружение во тьму", Олег Васильевич Волков встал в один ряд с корифеями российской лагерной прозы, куда входят Шаламов, Солженицын, Евгения Гинзбург.

Если понадобилось бы одним словом охарактеризовать его деятельность, то я бы сказал: он по природе своей спасатель. Он спасал Байкал, он бился за леса, он бился за старую архитектуру, за Москву... Вот это, может быть, в каком-то смысле и есть образец той патриотической деятельности, которая в конце концов была оценена.

У него были силы. У него была потребность работать, несмотря на возраст. Закал, родовой закал, был просто великолепен.

Однажды поздно вечером он гулял с любимым пойнтером Рексом. Неподалеку проклады-

Олег Васильевич Волков.

вали какой-то трубопровод, вырыли там яму, а ограду, конечно, не поставили. Олег Васильевич упал в эту яму.

После этого несчастного случая он уже не поднялся, несмотря на все усилия семьи и врачей. Последние почти два года — это была мучительная агония. Он никого не пускал к себе. 21 января был день его рождения, и Олег Васильевич категорически запретил друзьям входить в ту комнату, где он лежал.

Он всегда был красив, особенно в старости. Выглядеть немощным, слабым ему было невозможно.

Царствие ему небесное...

МАРЛЕН КОРАЛЛОВ

Москва

Олег Васильевич Волков — человек из другого мира. Он немощно задержался в этом нелепом и незнакомом ему пространстве. И очень страдал. 27 лет он провел в лагерях, тюрьмах и ссылках, но при этом всегда сохранял человеческое достоинство.

Я с ним познакомился поздно, уже после всех его трагедий, когда здесь, в Москве, мы поселились в одном доме. Мы с большим уважением относились друг к другу, хотя не могу сказать, чтобы были близки. Я даже однажды, это было давно, в

брежневские времена, тайком вывез во Францию рукопись его романа, который потом был опубликован. Время от времени мы говорили очень коротко, о разных явлениях, многие из которых он не воспринимал и не понимал.

Человек большого достоинства, ярко одаренный, перестрадавший, это был типичный представитель старого русского поколения, попробовавший этой русской жизни в чрезмерном количестве.

Память о нем осталась и останется надолго.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Москва

Мои встречи с Олегом Васильевичем были редкими, но запоминающимися. В 1988 году по нашей эковской цепочке нашла меня Марина Голдовская, которая готовила тогда фильм "Власть соловецкая", и привлекла к съемкам. Каждого из нас снимали отдельно, но когда картина была готова, то все вместе пригласили на "Мосфильм". Там я и увидела впервые Олега Васильевича. Он сразу запомнился — держался независимо, сразу видно было воспитанного человека.

До выхода на большой экран фильм демонстрировали в московских клубах. После показа картины участники выходили на сцену. Рассказывали, дополняли, отвечали на вопросы.

Олег Васильевич пользовался самым большим успехом на этих вечерах. Прекрасное образование, восхитительная речь... По тем временам говорил он очень смело, держался свободно, независимо. Публика неизменно провожала его аплодисментами.

30 октября 1990 года, в День политзаключенного, на площади, тогда еще носившей имя Дзержинского, мы с ним открывали Соловецкий камень. Для меня это была большая честь.

После этого общались мы меньше, в основном по телефону. Конечно, я прочла книгу Олега Васильевича "Погружение во тьму", однако настоящим открытием для меня были его рассказы о природе, заповедниках. Когда много лет просидишь в тюрьмах и лагерях, начинаешь ценить каждый кустик, каждый цветочек...

ЗОЯ МАРЧЕНКО

Москва